

Д.А. Карпук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВ. СИНОДА ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ СРЕДИ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена организация Святейшим Синодом пастырского служения среди русских военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Австро-Венгрии и Германии. Приводятся примеры, во-первых, помощи со стороны Церкви посылками в лагеря через благотворительные организации; во-вторых, помощи пленным священнослужителям религиозной литературой и богослужебной утварью. Особое внимание уделено попыткам священноначалия организовать отправку в лагеря священнослужителей-добровольцев из России.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская православная церковь, Св. Синод, военное и морское духовенство, «Вестник военного и морского духовенства», патриарх Тихон (Белавин), митрополит Евлогий (Георгиевский), протопресвитер Георгий Шавельский, А.В. Карташев, С.Г. Рункевич.

В XIX в. Российская империя вела многочисленные войны, как на своей территории (Отечественная война 1812 г., Крымская война), так и за ее пределами (русско-турецкие и русско-персидские войны). В каждой из этих кампаний принимало участие и военное духовенство. Священнослужители должны были зачастую в тяжелейших условиях нести свое пастырское служение по окормлению русских солдат. К сожалению, далеко не всегда эта деятельность получала соответствующее освещение в литературе и периодике. В результате, когда в 1912 г. торжественно отмечался 100-летний юбилей победы над Наполеоном, в светских и старообрядческих периодических изданиях появилось множество статей, в которых утверждалось, что Русская православная церковь никакой роли в развернувшейся тогда народной борьбе не сыграла¹. Только после этого в церковных журналах и газетах появились многочисленные научные исследования, а также исто-

---

Дмитрий Андреевич Карпук, кандидат богословия, преподаватель и секретарь церковно-исторической кафедры, заведующий аспирантурой и архивом Санкт-Петербургской Духовной Академии.

1. Наполеонов архиерей // Церковь, 1912. № 33. С. 797–799; Русское духовенство в Отечественную войну // Там же, № 34. С. 813.

рические документы, свидетельствующие о подлинно подвижническом служении священнослужителей русской Церкви на полях сражений².

Учитывая ошибки прошлого, именно в деле освещения роли и значения православного военного духовенства в том или ином военном конфликте, протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский уже в самом начале Первой мировой войны обратился со страниц «Вестника военного и морского духовенства» (являвшегося официальным изданием ведомства) с просьбой, сообщать в редакцию сведения о героических подвигах и беззаветном служении православных священников на полях сражений. Данная инициатива, действительно, способствовала тому, что информация о героическом и повседневном служении духовенства, регулярно публиковалась на страницах этого и других церковных и светских периодических изданий³. Хотя, конечно, далеко не все было опубликовано. Многие документы до сих пор все еще ждут своего исследователя⁴.

В 1916 г. доктор церковной истории и чиновник Св. Синода С.Г. Рункевич опубликовал целый обзорный труд о деятельности Российской православной церкви в первые годы войны: «Великая Отечественная война и церковная жизнь»⁵. Особая ценность данной работы заключалась в том, что её автор, благодаря своему служебному положению, использовал внутреннюю переписку и некоторые делопроизводственные документы Св. Синода. Согласно содержанию данного исследования, Синод своими многочисленными распоряжениями и указами заботился о солдатах и их семьях, о беженцах и военнопленных, о православных русских людях за границей. Отдельно рассматривался вопрос о духовных школах, поскольку здания многих семинарий и даже академий выделялись под лазареты

---

2. См.: *Никольский А., прот.* Лица «духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912; *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912.

3. Геройская смерть иеромонаха транспорта «Прут» Антония // *Вестник военного и морского духовенства*, 1914. № 22. С. 763–764; *Пастырь-герой* // Там же, 1915. № 10. С. 307–308; *Атака. Герой-священник* // Там же, 1917. № 5–6. С. 156–157.

4. См. напр.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III отд. 4 ст. 1916 г. Д. 8. О награждении тридцати четырех священнослужителей за отличия во время военных действий; Д. 14. О награждении семидесяти четырех священнослужителей за отличия во время военных действий.

5. См.: *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Книга первая: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. СПб., 1916.

и больницы. Кроме того, устраивались передвижные лазареты на пожертвования духовенства и православной паствы⁶.

Безусловно, отдельного внимания заслуживает деятельность Св. Синода по оказанию помощи и организации пастырского служения среди русских военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии. В данной сфере можно выделить три следующих направления:

а) помощь военнопленным посылками в лагерь непосредственно или через соответствующие организации (Комитет Красного Креста, Комитет помощи русским военнопленным и др.) религиозной литературы, продуктов питания и др.;

б) помощь пленным священнослужителям религиозной литературой и богослужебной утварью для совершения богослужений в самих лагерях и лазаретах на территории Германии и Австро-Венгрии;

в) отправка в лагерь для военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии священнослужителей-добровольцев из России для пастырского окормления русских солдат.

Если говорить о первом направлении, то отправкой продуктов питания и предметов первой необходимости занимались в основном разного рода Комитеты. Например, основанные уже в 1915 г. в Петрограде Особый Комитет помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о военнопленных Российского общества Красного Креста и Отдел о военнопленных при Петроградском областном Комитете Всероссийского союза городов. Синод же, в первую очередь, регулировал отправку духовно-нравственной литературы. Так, в сентябре 1915 г. обер-прокурор А.Д. Самарин докладывал членам Синода, что возвратившийся недавно из германского плена настоятель Калишского православного собора протоиерей Николай Семеновский сообщал, что «находящиеся в Германии русские военнопленные испытывают между прочим большую нужду в религиозно-нравственном чтении за отсутствием соответствующих книг и изданий»⁷.

---

6. См.: *Щеглов Г.Э., свящ.* Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). Минск, 2013; *Карпук Д.А.* Патриотическая деятельность Петроградской духовной академии в годы I Мировой войны // *Казанский собор — храм и памятник российской воинской славы: сборник материалов городской научно-практической конференции «Казанский собор — храм и памятник российской воинской славы» к 200-летию кафедрального собора Казанской иконы Божией Матери / Под ред. проф. М.В. Шкаровского.* СПб.: ООО «Галерея», 2012. С. 106–113.

7. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. Л. 34.

В данном случае, как и во всех подобных⁸, Синод реагировал положительно. И через подведомственное себе Хозяйственное управление поручил «отпустить безмездно» Особому Комитету помощи военнопленным при Центральном справочном бюро о военнопленных, а также состоящему под покровительством императрицы Александры Федоровны Комитету по оказанию помощи русским военнопленным по 5.000 экземпляров листов и брошюр религиозно-нравственного содержания. Примечательно, что при этом Синод специально оговаривал, что не надо отправлять в лагеря на территории Европы сочинения, в которых критиковались инославные религии, т.е. католицизм или протестантизм, а также государства, с которыми воевала Российская империя. Литературу поставляли также через архиепископа Упсальского Натана Седерблома (Natan Söderblom)⁹, епископа Зеландского Остенфельда и образованный в Копенгагене Комитет духовной помощи военнопленным при датском Красном Кресте¹⁰.

В деле снабжения наших военнопленных литературой случались и курьезы. Так, в 1915 г. с предложением помочь передать литературу русским военнопленным обратился некий «г[осподин] Хардт». Причем в прошении, особо оговаривалось, что передать надо Священное Писание, разного рода листки и сочинение архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова) «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Синод ответил положительно и Хозяйственное управление подготовило 1000 экземпляров Св. Евангелия (по 12 к. за экземпляр), 20 экз. книги владыки Иннокентия (по 60 коп. за экз.) и на 50 рублей листов и брошюр религиозно-нравственного содержания. Однако через какое-то время Хозяйственное управление сделало запрос в канцелярию обер-прокурора с просьбой уточнить адрес просителя («в Хозяйственное управление никто за сими книгами не обращался, а местопребывание г. Хардт неизвестно»). На полях данного запроса карандашом, возможно, самим обер-прокурором, было написано: «И я не знаю, где он. Нужно будет подождать. Совершенно не помню, кто его ко мне прислал. 4/II 916»¹¹.

Впрочем, несмотря на курьезы, Синод регулярно, используя все возможные каналы связи и самые различные инициативы, доставлял военнопленным десятки тысяч экземпляров Св. Писания и духовно-нравственной

---

8. См. подробнее: *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь... С. 177–183.

9. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. Л. 38 об.

10. Там же. Л. 142.

11. Там же. Л. 108, 120.

литературы. Причем этого было явно недостаточно. Поэтому еще в 1915 г. Синод обратился к митрополитам Московскому и Киевскому, а также настоятелю московского подворья Афонского Пантелеимонова монастыря с тем, чтобы они по возможности выделили какую-то часть книжной продукции со складов Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лавр и подворья афонской обители¹².

Теперь, что касается второго направления, заключающегося в обеспечении священнослужителей, оказавшихся в плену, всем необходимым для совершения богослужений. Известно, что в 1915 г. епископ Пермский Андроник (Никольский) выслал находящемуся в плену священнику Пермской епархии Валериану Попову освященный антиминс, а также необходимую церковную утварь и богослужебные книги для совершения литургии¹³.

Синод одобрил данную инициативу и сам осуществлял по мере появления возможностей подобного рода помощь. К сожалению, оказать полноценную помощь было достаточно сложно по различным причинам. Так, еще в ноябре 1917 г. военнопленный иеромонах Даниил (Степанюченко), находящийся в лагере в г. Тухель в Западной Пруссии (Lazaret. II. Kriegsgefangenenlager Tuchel), обратился в Св. Синод с просьбой помочь литературой, богослужебной утварью, а также едой: «Честь имею всепокорнейше просить гг. членов Св. Правительствующего Синода в том: не имеется ли при Синоде Бюро, или Общества Красного Креста помощи военнопленным. Если имеется таковое, то покорнейше прошу помочь свечами, иконами, мукой для просфор и чем-нибудь съестным. Врачи все получают с Комитетов, а я, находясь в плену 3-й год, не имею никакой помощи. Кроме того, у нас в лагере имеются пленные дети, которым я преподаю закон Божий, а также масса больных, но я питаю только словом, а нужда вопиет к Вам. Смирный иеромонах Даниил»¹⁴.

Одновременно с обеспечением священников утварью, Синод и отдельные архиереи предпринимали попытки (в некоторых случаях многократные) по освобождению священнослужителей и монашествующих из плена. Так, 21 сентября 1917 г. архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский), впоследствии митрополит, обратился к министру вероисповеданий Временного Правительства А.В. Карташеву с просьбой помочь вернуть из плена монашествующих Почаевской лавры и Дубенского Крестовоздви-

---

12. Там же. Л. 38 об.

13. Там же. Л. 139 об.

14. Там же. Д. 52. Л. 1.

женского монастыря. Из первой обители в плену, согласно данным владыки, находились схиигумен Иоанн, иеросхимонахи Иов, Неон, Евгений, иеродиаконы Валентин, Андроник, Вонифатий, монахи Нафанаил, Афанасий, Варфоломей, Пафнутий, Илия, рясофорный послушник Филипп Вишневский; из второй — архимандрит Андрей, иеромонах Георгий и иеродиакон Иов. Всего в уже трехлетнем плену в Венгрии (Ungarn Maros-Wasarhely Internierungslager) находились 16 монахов. Многие из них были уже в преклонных годах. Один из них — архимандрит Митрофан — уже скончался в плену. А.В. Карташев переадресовал данное ходатайство своему коллеге министру иностранных дел М.И. Терещенко. Из письма министра вероисповеданий видно, что с точно таким же ходатайством владыка Евлогий обращался еще весной 1916 г. при тогдашнем обер-прокуроре А.Н. Волжине¹⁵. Судя по всему, как первое, так и второе ходатайство осталось без ответа.

Тогда же, в сентябре 1917 г., к Терещенко обратился и председатель Поместного Собора митрополит Московский Тихон (Белавин), впоследствии патриарх Московский и всея Руси, с просьбой помочь освободить из плена священника, о котором ходатайствовал его отец, Иван Панасевич, служивший псаломщиком до войны в Холмской губернии. Во время войны И. Панасевич проживал в Московской губернии в Серпухове. Бедный отец сообщал будущему предстоятелю русской Церкви, что «сын его, священник Буской церкви, Келецкой губернии, Варшавской епархии, Емельян Панасевич, с псаломщиком того же прихода Владимиром Игнатюком в 1914 г., был взят в плен. Вместе с протоиереем Н. Рыжковым он долгое время находился в каторжной тюрьме в Вене, а ныне находится в г. Дроссендорфе, где терпит невероятные лишения. Будучи в плену свыше трех лет, он после перенесенных тяжелых условий плена, потерял здоровье. В виду этого Иван Панасевич ходатайствует о принятии мер к освобождению его сына из плена. <...> Здесь же находится и псаломщик Владимир Игнатюк»¹⁶. Скорее всего, и это ходатайство осталось без ответа.

Что касается упомянутого в обращении Ивана Панасевича протоиерея Николая Рыжкова, то арест и содержание последнего в плену было одним, если не самым резонансным делом, касающимся пленного православного духовенства. Положение протоиерея Николая регулярно обсуждалось даже на страницах светской периодической печати. В конце концов, отец Николай был освобожден и в 1917 г. прибыл в Петроград. Но здоровье

---

15. Там же. Л. 2–5.

16. Там же. Л. 8–8 об.

за время трехлетнего пребывания в плену было серьезно подорвано. Скончался протоиерей Николай Рыжков в 1920 г. всего лишь на 52 году жизни¹⁷.

Отдельный интерес представляют попытки Синода отправить в лагерь для военнопленных православных священников-добровольцев. Уже в мае 1915 г., т.е. когда для каждой из воюющих сторон стало очевидно, что блестящего блицкрига ни с той, ни с другой стороны не получится, и война приобрела явно затяжной характер, в Св. Синод поступили сразу две инициативы об отправке группы священнослужителей на добровольных началах для пастырского окормления военнопленных в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии.

Первая инициатива была озвучена в письме посланника Российской империи в Стокгольме Анатолия Васильевича Неклюдова в начале мая 1915 г. Неклюдов сообщал в Синод, что в Россию приезжает уполномоченный Северо-Американского Филантропического Общества Гарт (Reverend Archibald Clinton Harte) с целью обсудить и наладить отправку священников-добровольцев в «германские лазареты и лагеря для военнопленных, ибо отсутствие религиозного утешения всего живее чувствовалось в этих средоточиях страдания, унижения и уныния»¹⁸.

Одновременно с этим протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский из Ставки верховного главнокомандующего сообщал обер-прокурору Св. Синода, что секретарь образованного в Берне Комитета помощи русским военнопленным Вера Андреевна Фелькнер (урожденная Петкович), обратилась к нему с просьбой «посодействовать командированию в Берн нескольких православных священников, которые приняли бы на себя труд послужить томящимся в плену нашим воинам, лишенным всяческой пастырской помощи»¹⁹.

В ответ на эти обращения Св. Синод под началом обер-прокурора А.Д. Самарина инициировал активную переписку со всеми, необходимыми

---

17. См.: Церковные дела // Новое время, 1917. № 14822. 9 (22) июля. С. 4; Приезд о. Николая Рышкова // Там же, 1917. № 14830. 19 июля (1 августа). С. 2; Процесс прот. Рышкова // Там же, 1917. № 14832. 21 июля (3 августа). С. 5; *Радов И.* Жизнь и житие Николая Рыжкова // Сайт НГ-религии. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2004-10-06/5_ryzhkov.html (дата обращения: 10.11.2015); *Рыжкова А.Н.* Воспоминания «Мученик за Православную веру и верность славынству». Воспоминания дочери протоиерея Николая Рыжкова // Христианское чтение, 2012. № 3. С. 109–157.

18. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. Л. 5; *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь... С. 183.

19. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. Л. 5; *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь... С. 184.

ми для решения данного вопроса, учреждениями империи — Министерством иностранных дел, Военным министром и, конечно, Министерством финансов.

Содействие Военного министра В.А. Сухомлинова ограничилось исключительно одобрением самого проекта и пожеланием всяческих успехов в столь важном и ответственном деле. Министерство иностранных дел взяло на себя обязательство вести переписку и переговоры с соответствующими учреждениями Германии и Австро-Венгрии. Что же касается Министерства финансов, то оно должно было выделить требующуюся сумму денег для обеспечения командировки необходимого количества священников.

Св. Синод с указом найти священников-добровольцев обратился только к архиереям пограничных западных епархий: архиепископу Варшавскому Николаю (Зиорову), епископу Гродненскому Михаилу (Ермакову), архиепископу Литовскому Тихону (Белавину) и епископу Холмскому Анастасию (Грибановскому). Другими словами, призыв Синода был направлен в адрес священнослужителей тех епархий, которые больше всего пострадали от военных действий. Многие священники из указанных епархий вынуждены были покинуть свои приходы и эвакуироваться в Центральную Россию, а теперь оставались не только без служения, но зачастую и без средств к существованию.

Для более успешной и оперативной координации действий по отправке священников-добровольцев в лагерь для военнопленных Синод в январе 1916 г. создал специальную Комиссию. Новому учреждению было дано право командировать в Германию и Австрию, для пастырского попечения о военнопленных, священников, снабжать находящихся в плену священнослужителей принадлежностями, необходимыми для совершения богослужений, а также посылать военнопленным, в духовную помощь и утешение, соответствующие издания религиозно-нравственного содержания. Председателем данной комиссии был назначен протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский, а заместителем — помощник протопресвитера протоиерей Иоанн Морев²⁰.

Прошения от священнослужителей пострадавших епархий, которые решили отправиться добровольцами в лагерь для военнопленных, поступали в течение всего лета 1915 г. К сожалению, желающих оказалось совсем мало. Так, к осени 1915 г. откликнулось всего лишь 13 человек: 1) протоиерей Волковского кладбища Николай Писаревский; 2) находившийся в Петрограде настоятель Дрезденской церкви протоиерей Димитрий Якшич;

---

20. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. Л. 141 об.–142.

3) преподаватель Петроградской духовной семинарии иеромонах Николай (Ярушевич); 4) проживавший в Петрограде настоятель Баден-Баденской церкви священник Петр Преображенский; 5) протоиерей Митрофановского Петроградского кладбища Георгий Дьяков; 6) протоиерей Келецкого собора Василий Теодорович; 7) священник Благодатненской единоверческой церкви Леонид Любомудров; 8) священник Скаржинской железнодорожной церкви Александр Светлов; 9) священник Омской епархии, командированный в 401-й полевой запасной госпиталь, Григорий Гиацинтов; 10) настоятель Супрасльского монастыря архимандрит Авраамий; 11) настоятель Сейнской церкви священник Петр Грицай; 12) настоятель Равской Свято-Троицкой церкви священник Андрей Голоскевич; 13) настоятель Киевской Серафимовской церкви и законоучитель Киевских лесных гимназий священник Константин Стешенко²¹.

Некоторые священники сначала подавали прошения, а потом через какое-то время отказывались от командировки. Так, священник Петроградской Эстонской церкви Александр Пакляр рапортом, от 27 сентября 1915 г., просил об исключении его из списка священнослужителей (на что он соглашался еще летом того же года), назначаемых в командировку для посещения военнопленных²².

В связи с таким небольшим количеством добровольцев в церковной прессе, в частности, в небезызвестной многотиражной церковной газете «Колокол», осенью того же 1915 г. появляются объявления как об инициативе Св. Синода, так и о нехватке священников. Такая вынужденная публичность и даже некая своего рода реклама ситуацию кардинально не изменила. После всех объявлений желание отправиться в Германию и Австро-Венгрию изъявили еще всего лишь три человека: 1) настоятель Томашовской церкви Петроковской губернии священник Стефан Волканович; 2) священник Пюхтицкой монастырской церкви Андрей Луга и 3) священник Михаило-Архангельской церкви села Мордвиновки, Троицкого уезда, Оренбургской епархии, Феодор Вдовин²³.

Мотивы у каждого священника были свои. Так, священник Феодор Вдовин в своем прошении писал: «Из газеты “Колокол” от 17 декабря сего года (1915 г. — Д.К.) я узнал, что требуются священники-добровольцы для удовлетворения религиозно-нравственных нужд наших военнопленных, находящихся в Германии и Австро-Венгрии. Лично всегда стараюсь

---

21. Там же. Л. 36–37, 41, 53–54, 58, 61–64, 91–92, 174–175.

22. Там же. Л. 36, 55–56.

23. Там же. Л. 109–111, 116, 119.

тем или иным способом откликнуться на нужды, вызванные военным временем, я не мог не сознать, что здесь, на родине, нас много, а там, судя по известиям, если тяжел физический гнет для наших братьев военнопленных, то без сомнений тяжело сказывается и нравственная неудовлетворенность религиозных потребностей за отсутствием пастырей»²⁴.

Священник Андрей Луга был более откровенен и прямолинеен: «Самоотверженная деятельность русского православного духовенства в рядах действующей на войне армии всегда возбуждала во мне чувства благоговения и желания стать в ряды этих героев долга и чести нашего отечества. Я имел искреннее желание посвятить свои силы воспитанию в русском солдате духа преданности Царю и Отечеству, основанном на религиозности и любви ко святой православной церкви в мирное время и чувствовал непреодолимое влечение во время настоящей великой войны уподобиться героям священникам, с крестом в руках, воодушевляющих упавших духом солдат и бесстрашно ведущих их в рукопашный бой. Но при всех моих ходатайствах, мне не удалось осуществить моих желаний»²⁵.

Священник Константин Стешенко, пытаясь убедить обер-прокурора Св. Синода в своей пригодности для столь ответственной и вместе с тем опасной поездки, делал упор на своем знании немецкого языка: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство командировать меня в один из лагерей военнопленных в Германии или Австрии для посильного удовлетворения духовных запросов пленных соотечественников, в частности для совершения богослужений и организации бесед, чтений и школьных занятий. При этом считаю долгом заявить Вашему Высокопревосходительству, что на летние каникулы 1909, [19]10, [19]12 и 1914 гг. я получал командировки для совершения богослужений в храмах Bad Nauheim и Bad Bruckenaue, а в 1914 году имел кроме того разрешенную Киевским учебным округом командировку для ознакомления с некоторыми новыми, в частности Лесными школами Германии»²⁶.

Примечательно, что у одного из «добровольцев» священника Василия Теодоровича в формулярном списке в строке о семейном положении было отмечено, что один из его сыновей, Сергей, до войны состоял чиновником Сосновицкой таможни. После начала военных действий Сергей Васильевич вступил в ряды действующей армии и пропал без вести 13 августа 1914 г. под деревней Гросс-Турау. Можно предположить, что священник Василий

---

24. Там же. Л. 116.

25. Там же. Л. 110.

26. Там же. Л. 92.

Теодорович, изъявляя желание отправиться в Германию, хотел найти своего сына, который вполне мог оказаться в плену.

Но не только патриотизм и личное горе являлись основными мотивационными аргументами для некоторых священников отправиться «в страну далече». Так, священник Стефан Волканович прямо заявлял, что готов отправиться в Германию, но только в том случае, «если ему будут вполне известны те материальные средства, какими будет обеспечена его семья, остающаяся ради воспитания детей в г. Москве, куда эвакуированы их учебные заведения из гор[ода] Варшавы, а равно и его, священника Волкановича отдельное от семьи существование за границей»²⁷.

Финансовый вопрос был очень серьезным, ведь, как известно, Русская православная церковь в синодальный период практически полностью находилась на обеспечении государства (после секуляризации церковных земель в 1764 г). Поскольку сметы расходов на каждое ведомство составлялись заранее, то найти дополнительно несколько десятков тысяч рублей на экстраординарные расходы было весьма проблематично.

Поэтому Св. Синод через обер-прокурора обратился за материальным обеспечением в Министерство финансов, испросив на предполагаемую командировку 50 тысяч рублей в год. При этом в духовном ведомстве всерьез рассчитывали, что в лагеря для военнопленных отправятся примерно 20 священников. В таком случае на каждого священника выходило 2500 рублей. Однако из этой суммы надо было еще вычесть, если следовать букве синодального указа, какую-то сумму на производство необходимых церковных предметов для совершения богослужений. Поэтому примерная сумма вознаграждения для каждого священника снижалась до 1500–2000 рублей в год. Сумма вполне приемлемая для сельского или оставшегося вообще без прихода священника, но вряд ли она могла привлечь городских и семейных.

14 ноября 1915 г. состоялось заседание Межведомственного совещания, которое постановило выдать Св. Синоду вместо 50 тыс. всего 5 тыс. рублей. Это объяснялось тем, что судьба командировки пока не была решена, т.к. все еще не было ответа из Германии. В случае же положительного разрешения вопроса финансовое ведомство готово было впоследствии предоставить большие суммы.

Что же касается реакции Германского правительства, то ответ в 1915 г. так и не пришел. Ожидание продолжилось и в первые месяцы нового 1916 г. Только в начале марта Российское Министерство иностранных дел сообщило

---

27. Там же. Л. 54—54 об.

в канцелярию обер-прокурора Св. Синода, что германское правительство отказало пустить в свои лагеря православных священников-добровольцев из России, ссылаясь на то, что «германскими военными властями уже приняты все необходимые меры к призыванию для служб в лагерях православных священников австрийских, болгарских и русских из занятых губерний»²⁸.

Итак, многочисленные труды и хлопоты, направленные на поиски добровольцев и денег, длительные переговоры и переписка оказались напрасными. Св. Синод сразу же разослал архиереям новые указы, с распоряжением вернуть священников-добровольцев на прежние места (это в случае, если епархиальными архиереями уже были даны соответствующие распоряжения об отправке «добровольцев» в распоряжение Синода). В письме из канцелярии обер-прокурора на имя протопресвитера Георгия Шавельского так и говорилось: «Вопрос о командировке православных священников с изъясненною целью в Германию и Австрию надлежит считать разрешенным в отрицательном смысле»²⁹.

Однако уже в конце того же 1916 г. в канцелярию обер-прокурора приходит сообщение о том, что Российское Министерство иностранных дел вновь обратилось с ходатайством к Германскому правительству разрешить допустить в лагеря для военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии православных священнослужителей из России. Повторное обращение объяснялось изменением обстановки в Германии. Что именно там произошло, из делопроизводственной переписки не совсем ясно. Однако на этот раз, надо полагать, шансов для положительного исхода было гораздо больше. Последний документ, относящийся к данному вопросу, датирован 22 февраля 1917 г.

Дальнейшие хорошо известные события лишили не столько смысла, сколько возможности решить вопрос об отправке священнослужителей в Германию и Австро-Венгрию в положительном ключе. Теперь наступило время, когда православным священникам было опасно совершать свое пастырское служение не только на вражеской территории, но и в самой России. Уже в марте–апреле 1917 г. некоторые военные священники сбивали волосы и бороду и бежали с фронта, чтобы не быть растерзанными революционно настроенными рядовыми и офицерами.

Остается только сожалеть, что проект по оказанию помощи так и остался проектом. Конечно, были еще пленные священники, которых

---

28. Там же. Л. 134–134 об.

29. Там же. Л. 158.

по некоторым данным насчитывалось более сотни. Эти пленные батюшки совершали свое служение в тяжелейших условиях, облегчая участь русских воинов, один из которых так и говорил: «Единственным утешением в плену было богослужение, которое совершали наши пленные священники»³⁰. Но ведь священников, а вместе с ней и пастырской помощи, столь необходимой в тяжелых условиях плена, могло быть больше. Хотя, конечно, даже в случае реализации данного проекта два десятка добровольцев вряд бы смогли удовлетворить все духовные нужды и потребности пленных солдат российской армии. Очевидно, что 20 пастырей на сотни тысяч пленных — капля в море. Но за первой каплей, в случае, если дело было бы правильно устроено, могла последовать и вторая. Нельзя не отметить, что Синод в каждом из рассмотренных направлений организации пастырского служения среди русских военнопленных в годы Первой мировой войны делал все возможное, чтобы облегчить страдания русских солдат. Хотя, безусловно, вряд ли эти деяния можно оценивать в качестве вполне достаточных и удовлетворительных.

Источники и литература

1. Атака. Герой-священник // Вестник военного и морского духовенства, 1917. № 5–6. С. 156–157.
2. *Военский К.А.* Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М., 1912.
3. Геройская смерть иеромонаха транспорта «Прут» Антония // Вестник военного и морского духовенства, 1914. № 22. С. 763–764.
4. *Карпук Д.А.* Патриотическая деятельность Петроградской духовной академии в годы I Мировой войны // Казанский собор — храм и памятник российской воинской славы: сборник материалов городской научно-практической конференции «Казанский собор — храм и памятник российской воинской славы» к 200-летию кафедрального собора Казанской иконы Божией Матери / Под ред. проф. М.В. Шкаровского. СПб.: ООО «Галерея», 2012. С. 106–113.
5. Наполеонов архиерей // Церковь, 1912. № 33. С. 797–799.
6. *Никольский А., прот.* Лица «духовного чина» Московской епархии в их служении Церкви и Отечеству в 1812 году. М., 1912.
7. Пастырь-герой // Вестник военного и морского духовенства, 1915. № 10. С. 307–308.

---

30. *Пахалюк К.А.* Православное духовенство на защите империи // Сайт Герои Первой мировой. — URL: hero1914.com/pravoslavnoe-duhovenstvo-na-zashhite-imperii/#_ftn2 (дата обращения: 23.09.2015).

8. *Пахалюк К.А.* Православное духовенство на защите империи // Сайт Герои Первой мировой. — URL: hero1914.com/pravoslavnoe-duhovenstvo-na-zashhite-imperii/#_ftn2 (дата обращения: 23.09.2015)

9. Приезд о. Николая Рышкова // Новое время, 1917. № 14830. 19 июля (1 августа). С. 2.

10. Процесс прот. Рышкова // Новое время, 1917. № 14832. 21 июля (3 августа). С. 5.

11. *Радов И.* Жизнь и житие Николая Рыжкова // Сайт НГ-религии. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2004-10-06/5_gyzhkov.html (дата обращения: 10.11.2015).

12. РГИА. Ф. 797. Оп. 85. II отд. 3 ст. 1915 г. Д. 195. О командировании православных священников в Германские лазареты и лагеря для военнопленных.

13. РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II отд. 3 ст. Д. 52. Переписка о духовенстве, находящемся в плену.

14. РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III отд. 4 ст. 1916 г. Д. 14. О награждении семидесяти четырех священнослужителей за отличия во время военных действий.

15. РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III отд. 4 ст. 1916 г. Д. 8. О награждении тридцати четырех священнослужителей за отличия во время военных действий.

16. *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Книга первая: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. СПб., 1916.

17. Русское духовенство в Отечественную войну // Церковь, 1912. № 34. С. 813.

18. *Рыжкова А.Н.* Воспоминания «Мученик за Православную веру и верность славянству». Воспоминания дочери протоиерея Николая Рыжкова // Христианское чтение, 2012. № 3. С. 109–157.

19. Церковные дела // Новое время, 1917. № 14822. 9 (22) июля. С. 4.

20. *Щеглов Г.Э., свящ.* Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918). Минск, 2013.